

Л. А. БУШУЕВА

ПРОФЕССОРСКАЯ КОРПОРАЦИЯ КАЗАНИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЛЮДЕЙ (НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье проанализирован опыт межличностных коммуникаций внутри профессорской корпорации Казанского университета в начале XX века. Рассмотрено влияние изменения политической ситуации в стране на характер внутриуниверситетских отношений – между самими профессорами, между профессорами и «младшими преподавателями», профессорами и студентами. На основе анализа неизученных ранее материалов показано изменение норм корпоративных отношений, повышение уровня конфликтности, появление новых форм конфликтов между университетскими людьми, а также способы их преодоления.

Ключевые слова: *Казанский университет, профессорская корпорация, приват-доценты, студенты, межличностные коммуникации.*

Начало XX века – один из сложных и драматичных периодов в истории высшей школы Российской империи. Кризис университетской системы, вызванный процессами социальной, культурной и политической дифференциации, не только сделал реальной угрозой срыва учебного процесса, но и стал серьезным испытанием для основ корпоративной культуры и межличностных коммуникаций университетских людей.

Университетская служба требовала от профессоров выполнения различных функций – чиновника, преподавателя, ученого. Поэтому между членами корпорации возникали разные типы отношений, формы и принципы которых, выработанные в течение длительного времени и ставшие уже привычными, под воздействием новых факторов претерпевали серьезные изменения, а существовавшее представление о безусловном единстве университетского сообщества подверглось ревизии. Эти процессы не обошли стороной российские университеты ни в столицах, ни в провинции. Не стала исключением и губернская Казань.

Казанский университет в начале XX века занимал особое место в университетском пространстве Российской империи. Основанный в 1804 г., он являлся одним из старейших университетов страны и представлялся современникам крупнейшим провинциальным университетом, «светочем цивилизации» на восточной окраине Империи¹. Специ-

¹ Вишленкова. 2008. С. 34.

фические условия существования Казанского университета, сложный профессорско-преподавательский состав на всем протяжении его истории оказывали влияние на характер отношений внутри корпорации. Причем, если в предшествующий период безусловное лидерство профессоров и их позиции в университете не подвергались сомнению, то в начале XX века под воздействием нарастающей политической активности границы университетского сообщества начали размываться, и под вопросом оказалось его единство. Учитывая данные обстоятельства, наряду с рассмотрением отношений между профессорами университета, небезынтересно обратиться к изучению вопроса о роли и месте «младших» преподавателей (приват-доцентов, ассистентов, лаборантов) и студентов во внутриуниверситетских коммуникациях.

В российских университетах сложилась коллегиальная форма управления, которая выражалась в деятельности Совета. В его состав по Уставам 1863 и 1884 гг. входили все университетские профессора. Коллегиальное управление требовало от университетских людей особой культуры профессиональных отношений, которая вырабатывалась в процессе обсуждений на заседаниях Совета различных вопросов и во время разрешения возникавших конфликтных ситуаций.

Согласно законодательству, все решения в Совете принимались путем голосования. Члены Совета, имеющие особое мнение, отличное от большинства, имели возможность его высказать и отразить в письменном виде². Данное право способствовало укреплению у преподавателей осознания значимости своей позиции для корпорации и обостряло чувствительность к процедурным вопросам. Готовность отстаивать свое мнение нередко приводила к инцидентам, когда профессора отказывались подписывать протоколы заседаний Совета в связи с неверным (по их мнению) отражением их высказываний³, или к ситуациям, когда профессора требовали от коллег извинений за допущенные в ходе обсуждения неосторожные выражения или реплики в их адрес⁴.

Профессиональная этика требовала от профессорской коллегии корректного поведения. Немаловажное значение имела форма прохождения заседаний Совета. В Казанском университете действовали правила ведения заседаний Совета, разработанные еще в 1868 г. попечителем Казанского учебного округа П. Д. Шестаковым. Они были направлены

² Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 9. СПб., 1893. С. 1365.

³ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 785. Л. 3–3об; Оп. Совет. Д. 10017. Л. 142–143.

⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564а. Л. 2–7 об.

на четкую организацию работы Совета и на регулирование конфликтных ситуаций. Так, согласно данным правилам, на заседаниях не должно было допускаться «устное возбуждение новых дел». Обсуждались только вопросы, включенные в заранее составленную ректором повестку. Представитель Совета, намереваясь выступить с предложением, не назначенным к слушанию, обязан был представить свое предложение ректору в письменном виде как минимум за три дня до заседания. Ректор, председательствующий в собрании, не должен был допускать «выражения неприличные и оскорбительные». Если же кто из выступающих на заседании, невзирая на замечания, продолжал речь «в том же духе и тоне», председатель имел право лишить его слова по обсуждаемому вопросу⁵. Реализация этих правил привела к формализации всего процесса общения между профессорами в ходе заседаний Совета, что и зафиксировали протоколы его заседаний, начиная с этого времени.

Требовательность к корректной форме ведения дискуссий в университетской корпорации была связана с претензией российских профессоров на статус носителей западноевропейской культуры и ориентацией на представления о цивилизованности как системе ограничений, сформированные в конце XVIII в⁶. В профессорской среде не приветствовали публичное проявление излишних эмоций. Так, в 1897 г. декан историко-филологического факультета А. И. Смирнов не принял к рассмотрению жалобу профессора С. В. Опацкого на профессора А. С. Архангельского. Объясняя отклонение жалобы, декан заявлял ректору Н. А. Кремлеву, что подобное поведение С. В. Опацкого вредно для работы факультета. «Он сам допускает возможность утраты всякого самообладания в факультетских заседаниях... крайняя раздражительность в сношении с товарищами... делает его присутствие и участие в факультетских собраниях нежелательным и даже вредным»⁷. Неумение управлять своими эмоциями ставили профессора С. В. Опацкого в глазах коллег в положение скандалиста.

Выработанные профессиональные нормы постепенно вытесняли с официального уровня заседаний Совета и факультетов обсуждение частных конфликтов. Профессор физико-математического факультета Д. И. Дубяго отмечал в 1904 г.: «факультет в споре частных лиц должен всегда стоять в стороне от всякого вмешательства... косвенное вмешательство в частный спор... неудобно и нежелательно»⁸. По мнению

⁵ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5101. Л. 441–442.

⁶ См.: Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. 2005.

⁷ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9755. Л. 2 об.

⁸ НА РГ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 1777. Л. 19.

профессоров, выработанная культура профессиональных отношений отличала Казанский университет от других учебных заведений.

Другим важным принципом взаимодействия профессоров в рамках профессиональной (учебной) повседневности являлось признание за факультетами автономии в решении вопросов, находящихся в их компетенции, в том числе и право выбора кандидатов в преподаватели. Это, однако, не исключало возможности возникновения новых конфликтов, но уже на уровне факультетов. Поэтому наиболее острые университетские конфликты чаще всего возникали в связи с изменениями профессорского состава, во время избрания новых преподавателей.

Однако если многие особенности функционирования корпорации в первые годы XX в. имели уже привычный характер и были знакомы профессорам как минимум со второй половины XIX в., то Первая русская революция поставила все с ног на голову. Теперь все чаще профессора сталкивались с новшествами в своей профессиональной и внеуниверситетской повседневности. На их глазах менялась не только эпоха, но и люди, а также принципы взаимодействия между ними.

Революционные события бурно развивались и в Казани. В течение всего 1905 года вместо занятий в Казанском университете шли политические собрания, сходки и митинги с участием студентов. С первых дней революционных событий казанские профессора начали проявлять заметную общественно-политическую активность. В письме к профессору Д. А. Корсакову декан историко-филологического факультета профессор А. И. Александров в июне 1905 г. писал: «живое, важное время мы переживаем и нельзя не участвовать в жизни – она сама влечет в себя, заставляя жить каждый день новым и новым»⁹.

В эту революционную эпоху политические воззрения и принадлежность к течениям общественно-политического характера стали частью статуса казанских профессоров. Среди профессорско-преподавательского состава в идейном плане наиболее популярны были два основных направления – либеральное и консервативно-монархическое. Еще в начале 1905 г. о своей принадлежности к Академическому союзу заявили профессора университета А. В. Вишневский, В. С. Груздев, Н. П. Загоскин, Э. К. Мейер, Н. А. Миславский, Н. Н. Парфентьев, А. Ф. Самойлов, Н. Н. Фирсов и др.¹⁰. Особой активностью среди университетских преподавателей отличалась небольшая группа приверженцев

⁹ Письмо А. И. Александрова Д. А. Корсакову от 8 июня 1905 г. // Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ). Отдел хранения документальных источников (ОХДИ). Ед. хр. А1. КПШп-123666-92. Л. 1 об.

¹⁰ История Казанского университета... 2004. С. 225.

правых взглядов. Ее лидером являлся профессор юридического факультета В. Ф. Залесский – как он сам себя охарактеризовал – «убежденный консерватор, монархист, русский националист»¹¹.

Революционные события изменили законодательные основы жизни российской высшей школы, в том числе и Казанского университета. 27 августа 1905 г. были обнародованы Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения. Они отменяли бюрократические основы существования университетов, установленные Уставом 1884 года, и возвратили важные начала автономной коллегиальной самоорганизации. Главная роль в управлении университетами вернулась профессорским Советам. Если в первые годы XX века Совет мог коллегиально решать только небольшие вопросы, то теперь профессорам вновь предоставлялось право избирать ректора, деканов, секретарей. Ректору поручалось руководство инспекцией. Студенты получили возможность организовывать собрания без административного контроля¹². Несмотря на то, что Временные правила не отменяли действующего Устава 1884 г., а лишь дополняли его, они во многом изменили структуру внутриуниверситетских отношений. Их введение для профессоров означало, что они перестали быть пассивными участниками университетской жизни и получили возможность играть в ней активную роль.

В Казанском университете в 1905 г. состоялись первые после введения Устава 1884 г. выборы ректора. Им стал декан медицинского факультета профессор патологической анатомии Николай Матвеевич Любимов. Совет стал зачислять в студенты выпускников духовных семинарий и коммерческих училищ, допустил на лекции женщин-вольнослушательниц, перестал соблюдать процентную норму приема евреев.

В октябре 1905 г. началась Всероссийская политическая стачка. Университеты оказались единственным местом, где можно было беспрепятственно устраивать митинги и собрания. Неприкосновенность университетских зданий привлекала множество лиц разных политических взглядов, превратив университеты в трибуны революционных манифестаций. Наиболее ярким примером активного вовлечения представителей профессорской корпорации в революционные события 1905 г. стал Новороссийский университет в Одессе, где еще в начале года группа профессоров образовала одесский отдел Всероссийского академического союза. Эта группа быстро вытеснила с ключевых позиций

¹¹ Залеский. 1914. С. 2.

¹² Дмитриев. 2009. С. 120–121.

представителей другой профессорской группы, провозглашавшей «университет для науки, а не для политики», но фактически близкой по духу к монархическим организациям. Коллегиальным решением университетского Совета центральным университетским органом был провозглашен Коалиционный совет студентов, который своей властью открывал и закрывал университет, организовывал и руководил митингами и манифестациями, бойкотировал «реакционных» профессоров¹³.

Казанский университет оказался в центре революционных событий, происходивших в Казани. В связи с тем, что он являлся единственным местом в городе, где были разрешены собрания, здесь ежедневно проходили политические митинги¹⁴. Они отличались крайне радикальными настроениями, на них пропагандировались социал-демократические идеи, обсуждался созыв Государственной думы и Учредительного собрания. В отличие от одесских преподавателей, казанские профессора не поддержали революционные настроения своих воспитанников. У многих из них радикальная активность учащихся вызвала растерянность и ощущение глубокого кризиса университетской жизни. Как писал профессор А. И. Александров профессору Д. А. Корсакову 15 октября 1905 г.: «пусть дадут право и место свободных собраний и тогда университет, слава Богу, вероятно будет опять храмом науки. О, дай Боже этого скорее, а то, право, тяжело читать утром, а вечером знать, что тут же происходят сходбища с преступными разговорами»¹⁵. На следующий день он писал Д. А. Корсакову: «ужасно скверно и тяжело теперь чувствуется: горько и скорбно за происходящие события». Опасаясь разгула беспорядков, Совет принял решение с 17 октября закрыть университет на неопределенное время¹⁶.

Непростое положение профессорского Совета усугубляли действия казанской администрации. Губернатор не был удовлетворен действиями, предпринимаемыми по урегулированию волнений в университете, и издал ряд постановлений, согласно которым полиции (вопреки существовавшей университетской автономии) предоставлялось право вторжения в университет. В течение 14–17 октября, игнорируя неприкосновенность университетских зданий, городские власти пытались принять меры по прекращению студенческих собраний. 14 октября у

¹³ Дело об одесских профессорах... 1909. 24 февраля. С. 2.

¹⁴ Корбут. Т. 2. 1930. С. 220.

¹⁵ Письмо А. И. Александрова Д. А. Корсакову от 15 октября 1905 г. // НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-97. Л. 1–1 об.

¹⁶ Письмо А. И. Александрова Д. А. Корсакову от 16 октября 1905 г. // НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-94. Л. 1 об.

университета был выставлен патруль конной полиции, а 16–17 октября он был оцеплен вооруженным отрядом казаков. Университет стоял на грани начала боя между студентами и административными войсками.

Профессорский Совет оказался в роли буферной зоны между митингующими и городскими властями. В связи с этим на протяжении всех дней разгула волнений между членами Совета шли ожесточенные споры о способах установления порядка. Особенно острый конфликт вызвал вопрос о вводе в университет полиции. Приверженцы правых взглядов во главе с профессором В. Ф. Залеским настаивали на ее привлечении «для охраны читающих и слушающих лекции от насилия»¹⁷. Однако для либеральной профессуры ввод войск в университет означал грубейшее нарушение автономии. Профессора Е. Ф. Будде, В. И. Разумовский, А. Я. Гольдгамер, возражая В. Ф. Залескому, заявляли о категорическом неприятии вмешательства во внутренние дела университета властей различных уровней, будь-то попечитель учебного округа или городская администрация. Они подчеркивали, что «такая мера... кроме вреда ничего принести не может»¹⁸. В результате, представителям правого течения не удалось создать внутри Совета сплоченной группы и добиться вмешательства полиции. Большинство членов Совета посчитало необходимым встать на защиту автономных прав и студентов, оградив их от действий казанских властей¹⁹.

Особую роль в урегулировании кризисной ситуации, с которой столкнулось профессорское сообщество Казани, сыграл новоизбранный ректор Н. М. Любимов. В течение нескольких дней он вел сложнейшие переговоры с администрацией, со студентами, забаррикадовавшими здание университета и готовыми вступить в вооруженное столкновение, и убедил обе стороны воздержаться от кровопролития.

Произошедшие события явились сильным эмоциональным потрясением для профессора и сказались на его здоровье. После разрешения конфликта Н. М. Любимов подал в Совет прошение об отставке. Однако коллеги единогласно просили его остаться на посту ректора. Им удалось убедить профессора не покидать университет в столь сложной ситуации²⁰. Реакция Совета на прошение Н. М. Любимова об отставке продемонстрировала возросший авторитет ректора как лидера корпорации. Этого нельзя сказать о предыдущих десятилетиях, когда главы универси-

¹⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037 а. Л. 23.

¹⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037 а. Л. 30.

¹⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037 а. Л. 23 об.

²⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037 а. Л. 67.

тета (согласно Уставу 1884 г.) назначались Министерством народного просвещения и далеко не всегда пользовались поддержкой коллег. Н. М. Любимов стал для корпорации ректором, сохранившим целостность университета. Профессор В. И. Разумовский в прощальной речи в его честь красноречиво заявлял: «ты видел обстреливание зданий университета, ты видел кровь, пролитую на твоих глазах, у порога университетского! ... Да, у порога, но не внутри университетских стен... Это твоя наивысшая заслуга пред родным университетом: ты предохранил университет от вечного позора, а молодежь от ненужных кровавых жертв»²¹.

Октябрьские события 1905 г. завершились для университета благополучно, однако они продемонстрировали раскол казанских профессоров по партийному признаку на так называемую правую и левую группу.

После стабилизации университетской жизни «политический фактор», а также царившие в российском обществе представления об университетах как «рассадниках активных борцов за академическую, общественную и политическую свободу»²² продолжали оказывать существенное влияние на отношения в профессорском сообществе. В связи с этим коллегиальное управление в Казанском университете сопровождалось частыми конфликтами. В предыдущие десятилетия профессорская корпорация Казанского университета избегала открытых столкновений и стремилась придать конфликтам «цивилизованную» форму. Современники чаще вспоминали о сокрытых от посторонних университетских «склоках» и «интригах». Во второй половине XIX века в Казанском университете, пожалуй, единственным громким разбирательством стала демонстративная отставка в 1871 г. восьми профессоров в связи с увольнением профессора анатомии П. Ф. Лесгафта.

В начале XX века конфликты приобрели иной характер. Во-первых, в самых обычных академических разногласиях и действиях коллег ученые часто были склонны подозревать присутствие «партийных соображений». Во-вторых, конфликты в этот период приобрели ярко выраженный демонстративный характер, граничащий со скандалами и вовлечением студентов. Их обсуждение на заседаниях Совета сопровождалось бурными выяснениями отношений. Кроме того, профессорские конфликты нередко протекали в форме открытых протестов, демонстративных срывов и бойкотов заседаний Совета.

²¹ Речь профессора В. И. Разумовского, сказанная в университете над гробом почившего ректора Н. М. Любимова. Казань, 1906. С. 10–11.

²² К 150-летней годовщине Московского университета. Извлечения из юбилейных приветствий 12-го января 1905 года. М., 1905. С. 4.

В феврале 1907 г. администрация Казанского университета приняла решение закрыть университет по требованию учащихся, протестующих против предания суду петербургских студентов Яновичского и Шишкина²³. В свою очередь группа «правых» профессоров (Д. И. Нагуевский, В. Ф. Залеский, М. И. Догель и др.) предъявила претензии ректорату из-за прекращения занятий. В течение всего 1907/1908 учебного года эти преподаватели неоднократно бойкотировали заседания Совета²⁴. По замечанию ректора Н. П. Загоскина, более половины заседаний Совета не могли состояться из-за их отсутствия.

В 1908 г. разгорелся очередной крупный конфликт. 17 профессоров выступили в Совете с требованием установить жесткие сроки написания докторских диссертаций для преподавателей без степени доктора, занимающих профессорские должности. В ответ профессор А. Н. Казем-Бек заявил, что такие требования являются ни чем иным, как «политическим сыском». Со стороны выступавших последовала бурная реакция с требованиями извинений²⁵. Не добившись их от Казем-Бека, 17 профессоров прекратили посещать Совет, фактически срывая его заседания²⁶. Только в начале следующего учебного года ректору удалось возобновить его нормальную работу, уговорив Казем-Бека принести извинения.

В начале XX в. профессора нередко выносили на коллегиальное обсуждение в Совете не только общеуниверситетские вопросы, но и внутрифакультетские и личные конфликты, в связи в них нередко вовлекалось большое число участников. В конце 1905 г. на историко-филологическом факультете состоялись выборы профессора на кафедру церковной истории, большинством голосов им был избран профессор К. В. Харлампович. Однако вскоре декан факультета А. И. Александров с удивлением узнал о поданной на него жалобе профессором Н. Н. Фирсовым. Александров как декан обвинялся в организации противоречивших университетскому законодательству выборах. Фирсов, минуя обсуждение этого вопроса в факультетском собрании, напрямую обратился к «автономной коллегии» с прошением разобраться в инциденте.

Действия Н. Н. Фирсова обескуражили декана, поскольку они противоречили существовавшему в Казанском университете еще со второй половины XIX века одному из механизмов регулирования преподавательского состава, согласно которому за факультетами признавалось

²³ Юлдуз (Звезда). 1907. 1 марта.

²⁴ Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг.: очерки жизни и деятельности / Сост. и научн. ред. В. С. Королев. Казань, 2004. С. 200.

²⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564а. Л. 2.

²⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564а. Л. 2.

право выбора кандидатов на кафедры. Растерянный А. И. Александров писал профессору Д. А. Корсакову: «Что это такое? Как понимать эту бумагу?.. Если это жалоба на незаконный поступок факультета, то вся эта история должна быть доказательна... если это жалоба на меня как декана, то должна следовать по Уставу к г. Ректору... если это каверзный донос, то приличен ли он профессору?»²⁷. Особое возмущение декана вызвала поддержка Н. Н. Фирсова профессорами физико-математического и медицинского факультетов – членами Академического Союза – Д. А. Гольдгаммером, А. М. Зайцевым, Д. Н. Зейлингером, Л. О. Даркшевичем, Д. А. Тимофеевым, В. А. Ульяниным и другими. «Вот что вышло из чисто... факультетских научных дел?! Их вынесли на улицу и обсуждают не с точки зрения академической, а... политической», «ужасно горько и прискорбно, что люди так плохо понимают автономию, а в оценке научных достоинств лиц держаться партийной рамки»²⁸ – с негодованием писал профессор А. И. Александров Д. А. Корсакову.

Увлечение политическими новшествами приводило к тому, что некоторые казанские профессора нередко сравнивали университетский Совет с Государственной думой. Вопреки существовавшему с 1906 г. конфиденциальному предписанию о том, чтобы «никто из профессоров не примыкал левее “партии 17 октября”»²⁹, они нередко заявляли на заседаниях Совета о том, что выступают от фракции Академического Союза³⁰. Однако опыт других университетов и начавшийся контроль политической благонадежности профессорско-преподавательского состава Министерством заставляли большинство профессоров воздерживаться от высказываний подобного рода. Как отмечал профессор А. А. Пионтковский: «Совет не парламент, в нем партий юридически не существует и какие-либо заявления в виду этого от имени партий, фракций представителями последних делать нельзя»³¹.

Перед казанскими профессорами был показательный пример политических конфликтов между профессорами Новороссийского университета. Приверженность той или иной политической позиции стала чуть ли не определяющим фактором формирования состава одесских профессоров. После 1907 г. в составе его руководства появилась фракция,

²⁷ Письмо А. И. Александрова Д. А. Корсакову от 10 ноября 1905 г. // НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-103. Л. 3–3 об.

²⁸ Письмо А. И. Александрова Д. А. Корсакову от 12 ноября 1905 г. // НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-105. Л. 1 об.

²⁹ Свобода совести // Волжский Вестник. 1906. 31 января.

³⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564 а. Л. 3.

³¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564 а. Л. 3 об.

близкая по воззрениям к Союзу русского народа и состоявшая из лидеров крупнейшего в университете медицинского факультета. В связи с этим ряд профессоров, имевших репутацию «либеральных», покинули его добровольно или вынуждены были подать прошение об отставке. В 1909 г. «правая» профессура инициировала судебный процесс по делу бывшего ректора Новороссийского университета И. М. Занчевского и проректора Е. В. Васьковского³². Они обвинялись в ненадлежащем исполнении своих обязанностей во время революционных событий 1905–1907 г., из-за чего университет фактически оказался в это время «в руках революционеров». В результате И. М. Занчевский был исключен с государственной службы, Е. В. Васьковский отрешен от должности³³. В ситуации политических конфликтов никто из преподавателей Новороссийского университета не мог чувствовать себя в безопасности, поскольку, невзирая на научные и педагогические заслуги, оказывался зависимым от политических пристрастий большинства.

Учитывая печальный опыт профессоров Новороссийского университета, В. И. Разумовский предостерегал коллег: «первой и главной обязанностью совета является забота о целостности всех представляемых им научных интересов... такое напоминание является не лишним, особенно теперь, когда партийные интересы в университете (если, скажем, не в нашем, а в других, например, одесском) выступают на передний план и отодвигают на задний план научные и академические интересы»³⁴.

В связи с этим некоторые казанские профессора проявляли политическую активность вне стен университета. Политические конфликты между ними перешли из заседаний Совета в непрофессиональную сферу. Так, профессор К. С. Мережковский развернул в газете «Казанский телеграф» травлю профессора П. И. Кротова, обвиняя его в стараниях отдать «русский университет в руки инородцев с иудеями во главе»³⁵.

Случались конфликты и на научной почве. Интенсификация научной деятельности способствовала возникновению в профессорской среде атмосферы конкуренции. Научные разногласия оказывали влияние и на характер повседневного общения между коллегами. На лекциях перед студентами ученые могли нелестно отзываться о своих оппонентах. Воспитанники медицинского факультета, вспоминая о времени учебы в 1909–1914 гг., упоминали о научных разногласиях между профессорами

³² Дело об одесских профессорах // Казанский телеграф. 1909. 24 февраля. С. 2; Хаусман. 2007. С. 258–259.

³³ Брачев. 2009. С. 30.

³⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564 а. Л. 4.

³⁵ Сводничество науки с иудеем // Казанский телеграф. 1909. 15 апр. С. 2.

С. С. Зимницким и В. Ф. Орловским: «На лекциях тот и другой пускали шпильки друг против друга – например, профессор Зимницкий кроме крепитирующих хрипов признавал еще и субкрепитирующие хрипы, тогда как Орловский их не признавал и на лекциях нам говорил, что “некоторые профессора находят какие-то субкрепитирующие хрипы, я не знаю таких хрипов – это ни Богу свечка, ни черту кочерга”»³⁶.

Другой обострившейся проблемой университетских отношений в начале XX века стало взаимодействие профессоров и «младших преподавателей» – приват-доцентов и ассистентов. Под влиянием политических процессов и в связи с обсуждением и подготовкой в российских университетах проекта нового университетского устава в университетских сообществах обострился вопрос об академических правах последних. Этот вопрос, наряду с необеспеченным материальным положением этой группы преподавателей в условиях инфляции, вызванной революционными потрясениями, являлся одной из важнейших составляющих конфликта внутри университетской корпорации³⁷.

Позиции младших преподавателей в российских университетах были различными, в некоторых из них удавалось добиваться улучшения положения в данном вопросе. Так, внимание всей университетской общественности и Министерства народного просвещения привлекла ситуация в Новороссийском университете. Здесь осенью 1905 г. начал действовать Союз младших преподавателей или одесский отдел второй группы академического союза, который своими активными действиями добился введения младших преподавателей в состав университетского Совета, несмотря на то, что это противоречило действующему университетскому законодательству. Таким образом, младшие преподаватели Новороссийского университета получили права, которых не могли добиться приват-доценты других российских университетов. Профессора Петербургского университета в рамках обсуждения проекта заявили о необходимости введения в Совет младших преподавателей. Среди приват-доцентов здесь многие имели степень доктора, были известными учеными и общественными деятелями (С. А. Венгеров, Н. О. Лосский, А. С. Лаппо-Данилевский, Е. В. Тарле, М. И. Туган-Барановский и др.). Поэтому серьезных столкновений со старшими коллегами не было, хотя новый университетский устав так и не был принят. Московские профессора, напротив, решительно отказали в этом праве младшим коллегам³⁸.

³⁶ Егоров. 2006. С. 328.

³⁷ Кольцов. 1909. С. 55.

³⁸ Ростовцев. 2009. С. 226-227.

Ситуация в Казани с реализацией прав младших преподавателей, как и в Москве, оказалась непростой. Здесь приват-доцентам не удалось повысить свой статус. Еще с конца XIX в. Казанский университет отличали слабый приток молодых преподавателей и особая роль старейших членов сообщества³⁹. Как правило, это были заслуженные профессора, часто в прошлом занимавшие крупные административные посты, от их решения во многом зависело вхождение в корпорацию молодых ученых и их положение в университете. К тому же средний возраст профессоров университета в начале XX века неуклонно возрастал (если в 1863 г. он составлял 42 года, то в 1903 г. – уже 55 лет, а к 1917 г. добрался до отметки в 58 лет)⁴⁰. В этих условиях позиция младших преподавателей и сотрудников в университетской среде была достаточно уязвимой, так как казанские профессора не спешили признавать младших преподавателей полноправными членами университетского сообщества.

В начале XX века в наиболее сильной зависимости от профессоров находились ассистенты, приват-доценты, лаборанты физико-математического и медицинского факультетов Казанского университета. Профессор как глава лаборатории мог поддержать или наоборот «пресечь на корню» начинания молодого ученого, нуждающегося в лабораторном оборудовании. Так, бывшие воспитанники университета сообщали в воспоминаниях, что весьма уважаемый профессор кафедры фармакологии В. Н. Болдырев выгнал из своей лаборатории ассистента Сперанского. Профессор В. Н. Болдырев создал у себя на кафедре единственную в Казани операционную для собак по образцу существовавшей у И. П. Павлова в Институте экспериментальной медицины. А. Д. Сперанский, делающий первые шаги в науке, обратился к профессору с просьбой о разрешении провести в его операционной задуманные им эксперименты. Взамен Болдырев потребовал от молодого преподавателя обязательного участия в опасных опытах профессора с рентгеновским облучением. В первое время эксперимент шел благополучно, но как только Сперанский, получив ожоги, отказался участвовать в дальнейших опытах профессора, Болдырев, как заведующий лабораторией, лишил возможности Сперанского продолжать свои эксперименты⁴¹.

Казанских профессоров также раздражало большое влияние отдельных приват-доцентов на студентов. Их отталкивали радикальные воззрения некоторых младших коллег. Так, профессор А. И. Александров в

³⁹ *Сластиков*. 1895. Т. 84. С. 157–167.

⁴⁰ *Бушуева (Сазонова)*. 2009. С. 76.

⁴¹ *Аничков*. 2006. С. 335.

письме к профессору Д. А. Корсакову в октябре 1905 г. писал: «Манифестом и дарованиями 17 октября все страшно довольны, но студенты начинают безумствовать, требуя того, что уж будет через край: Республика у нас право ведь не по головам даже и таким... философам, как Влад[имир] Ник[олаевич] Ивановский, на которого все студенты-революционеры молятся как на Бога... видя в нем... должно быть в будущем образцового президента. Избави Боже от таких руководителей!»⁴².

Оценка действий лиц, претендующих на приват-доцентуру, зависела от отношения к ним профессоров. В начале XX века в этом вопросе, как и в отношениях между профессорами, большое значение имели политические предпочтения. Казань в этом не являлась исключением, ведь и в Московском университете наблюдались подобные случаи⁴³.

В конце 1905 г. Совет рассматривал вопрос о положении младших преподавателей в рамках обсуждения проекта нового университетского устава. Большинство голосов профессора отклонили предложение о «желательном присутствии в факультетах с правом решающего голоса выборных представителей от младших преподавателей»⁴⁴. Влияние младших преподавателей на университетскую жизнь оставалось незначительным. Они оставались зависимыми от протекций и разного рода рекомендаций на назначение в университет. Казанские молодые преподаватели оставались в корпорации в положении «младших товарищей» и не влияли на университетскую политику. Младшие преподаватели Казанского университета, как и их коллеги в других университетах, заявляли о своем особом положении в университете⁴⁵. В 1907 г. было создано Общество младших преподавателей медицинского факультета Казанского университета. Однако уже в 1908 г. при рассмотрении его устава министр народного просвещения настоятельно порекомендовал ректору Н. П. Загоскину проследить, чтобы эта организация «младших преподавателей» «окончательно прекратила свою деятельность»⁴⁶. Совет обратился к медицинскому факультету с предложением составить ходатайство о разрешении функционирования общества. Но совет факультета, не поддержав младших коллег, не предприняв необходимых для этого мер.

В рассматриваемый период на положение и статус профессоров в корпорации оказывали влияние и отношения со студентами. Еще с кон-

⁴² Письмо А. И. Александрова Д. А. Корсакову от 22 октября 1905 г. // НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КПИ-123666-98. Л. 3 об-4.

⁴³ Кольцов Н. К университетскому вопросу. М., 1909. С. 38–39.

⁴⁴ Корбут. Т. 2. Казань, 1930. С. 227.

⁴⁵ Кольцов Н. К университетскому вопросу. М., 1909. С. 57.

⁴⁶ Корбут. Т. 2. 1930. С. 251.

ца XIX века университетские преподаватели переживали не лучший период отношений со своими воспитанниками. В конце XIX – начале XX вв. законодательные акты, введенные в период действия Устава 1884 г., способствовали отдалению учащихся от преподавателей. В 1880–1890-е гг. их отношения должны были выстраиваться в жестком соответствии с бюрократической системой, в которую они были включены. Преподаватели и студенты, являлись «отдельными посетителями» учебных заведений, которые должны были строго исполнять предписанные им научно-педагогические функции. Отношения между учащими и учащимися ограничивались учебными занятиями: первые являлись здесь начальством, а вторые – подчиненными⁴⁷. Профессора Казанского университета констатировали: *de jure* и *de facto* профессора [с 1884 г. – Л. Б.] были вынуждены стоять совершенно обособленными, не пользуясь доверием высшей власти и не имея возможности каким-либо способом приобрести доверие студентов и влияние на них»⁴⁸.

После серии студенческих беспорядков в университетах страны в 1899 г. в целях сближения преподавателей и учащихся правительство стало способствовать появлению студенческих кружков под руководством преподавателей. Однако их функционирование в начале XX века не удовлетворяло воспитанников университета. В листовках и прокламациях даже так называемых «беспартийных» студентов заявлялось, что «кроме кружка атлетистов» университет «преподносит» только «шаблонные профессорские лекции»⁴⁹.

Также не выполнял функции по «нравственному сближению преподавателей со студентами» и институт курсовых старост, выбиравшихся из числа профессоров. Профессор Д. А. Корсаков отмечал: «студенты смотрят на своих кураторов с совершенно формальной стороны, как на чиновников, подпись которых необходима на студенческих прошениях о выдаче пособия, не имея к ним нравственного доверия»⁵⁰.

Политические настроения учащихся Казанского университета привели к тому, что в начале XX века студенты стали значимыми участниками корпоративных отношений. События начала века показали их стремление регулировать университетскую жизнь и способность воздействовать на преподавательское сообщество.

⁴⁷ Иванов. 1994. С. 56.

⁴⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037а. Л. 27 об.

⁴⁹ НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. 79. КППи-100994. Л. 1.

⁵⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037а. Л. 121 об.

В российских университетах начала XX века существовала система обучения, при которой если один предмет читался несколькими преподавателями, то студенты имели право выбирать занятия кого из них посещать⁵¹. В связи с этим в корпоративных отношениях важно было иметь репутацию популярного преподавателя. В свою очередь отношение студентов к профессорам стало во многом зависеть от общественно-политических взглядов последних, а не только от их лекторских качеств. При этом учащиеся активно демонстрировали на занятиях свою симпатию или антипатию к преподавателям. Такие жесты со стороны учащихся, как аплодисменты или «освистание» лекторов, стали обыденным явлением. «Николай Александрович Миславский... относился к левому крылу, и мы, студенты, само появление его в аудитории иногда встречали аплодисментами», – писали бывшие студенты начала XX века⁵².

В 1906 г. студенты юридического факультета бойкотировали лекции профессора В. Ф. Залеского. Опасаясь радикальных действий с их стороны, В. Ф. Залеский перестал ходить в университет и в течение 1906 / 1907 учебного года фактически читал лекции у себя дома. Совет университета встал на сторону учащихся и разрешил им «не записываться на лекции Залеского, если они того не желают»⁵³. Залескому же было настоятельно рекомендовано не включать чтение лекций на политические темы в учебный процесс, а «проводить эти лекции публично, вне стен университета»⁵⁴.

В 1908 г. в Казани и вовсе были отстранены от преподавания два приват-доцента. Поводом для отрешения от должности одного из них был донос студента, являющегося к тому же членом Союза русского народа, попечителю учебного округа⁵⁵.

Узаконенные Временными правилами 27 августа 1905 г. студенческие собрания и как их следствие – срыв занятий в 1900-х гг. стали обычным явлением в учебной повседневности Казанского университета⁵⁶. Так, о сходке по случаю 5 ноября 1915 г. проректор А. А. Овчинников докладывал Совету как о рядовом событии. Проректор заявлял: «речи, действительно, не заключали в себе ничего, кроме обычных декламаций о кос-

⁵¹ Общий Устав Императорских Российских Университетов // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 9. СПб., 1893. Стлб. 1005.

⁵² *Егоров*. 2006. С. 326.

⁵³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037 а. Л. 416–418.

⁵⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037 а. Л. 274 об.

⁵⁵ *Кольцов Н. К* университетскому вопросу. М., 1909. С. 56.

⁵⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11488. Л. 3.

ности общества, о смене студентов-дворян студентами-разночинцами; о светлом будущем Университетов в свободной России, когда кафедры будут заняты даровитыми профессорами, оттесненными от Университетов при режиме последних министров»⁵⁷.

В целом, характеризуя специфику межличностных коммуникаций в профессорской корпорации университетской Казани начала XX века, нужно отметить следующее. С одной стороны, сложившаяся коллегиальная форма управления университетом и необходимость повседневных профессиональных контактов оказывали влияние на взаимоотношения между университетскими людьми, требуя от них уважительного отношения к каждому из представителей корпорации, то есть выполнения норм профессиональной этики. Также профессорам необходимо было соблюдать внутриуниверситетские традиции, такие как, например, принцип независимости факультетов в принятии решений, находящихся в их ведении. С другой стороны, поколенческие противоречия особенно сильные в Казанском университете, различия в научных и личных интересах сделали конфликты неотъемлемой частью университетской повседневности исследуемого периода. Это стало особенно очевидно, когда в условиях Первой российской революции профессорские конфликты приобрели новое качество. Так, во-первых, в обычных академических разногласиях и действиях коллег профессора порой подозревали присутствие «партийных соображений», а во-вторых, конфликты приобрели открытый и демонстративный характер, иногда выходящий даже за пределы университетской корпорации.

В новых условиях по-новому нужно было решать и вопросы взаимодействия профессоров с молодыми коллегами, а также и с воспитанниками университета, которые в начале XX века проявляли большую политическую активность. Однако попытки повышения собственного статуса в Казанской университетской корпорации, предпринятые младшими преподавателями, не увенчались успехом во многом из-за крепости университетских традиций и специфики профессорского состава этого провинциального университета. Что касается взаимодействия профессоров и студентов, то оно, и без того сложное в предыдущий период, в начале XX века еще более осложнилось.

С введением Временных правил для университетов в 1905 г. структура внутриуниверситетских отношений претерпела серьезные изменения, главное из которых состояло в том, что профессора переста-

⁵⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12904. Л. 153.

ли быть пассивными участниками университетской жизни и получили возможность играть в ней активную роль, а избираемый ректор вновь становился легитимным главой корпорации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Аничков С. В.* Год студенчества в Казанском университете // История Казанского государственного медицинского университета / *В. Ю. Альбицкий* и др. Казань: Магариф, 2006. С. 330–341.
- Дело об одесских профессорах // Казанский телеграф. 1909. 24 февраля.
- Егоров А. Д.* Из воспоминаний о медицинском факультете Казанского университета (1909–1914) // История Казанского медицинского университета / *В. А. Альбицкий* и др. Казань: Магариф, 2006. С. 326–330.
- Залеский В. Ф.* Опыт характеристики. Харьков: Б.и., 1914. 18 с.
- К 150-летней годовщине Московского университета. Извлечения из юбилейных приветствий к дню 12-го января 1905 года / Сост. К. И. Шидловский. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1905. 20 с.
- Кольцов Н.* К университетскому вопросу. М.: Б.и., 1909. 99 с.
- Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5101.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9755.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10017.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11037 а.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11488.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564 а.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12904.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 785.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 1777.
- Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ). ОХДИ. Ед. хр. 79. КППи-100994.
- НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-92.
- НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-94.
- НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-97.
- НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-98.
- НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-103.
- НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А1. КППи-123666-105.
- Речь профессора В. И. Разумовского, сказанная над гробом почившего ректора Н. М. Любимова. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1906. 12 с.
- Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 9. СПб.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза», 1893. 2089 стлб.
- Свобода совести // Волжский Вестник. 1906. 31 января.

Сводничество науки с иудеем // Казанский телеграф. 1909. 15 апреля.

Сластиков С. И. Университетские старцы (из воспоминаний казанского студента) // Русская старина. 1895. Т. 84. С. 157–167.

Юлдуз (Звезда). 1907. 1 марта.

Литература

Брачев В. С. Студенты Горного института – против В.М. Пуришкевича: «дело о клевете» 27–29 ноября 1909 г. // Общество. Среда. Развитие. 2009. №1. С. 25–42.

Бушуева (Сазонова) Л. А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 217 с.

Вишленкова Е. А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. 498 с.

Вишленкова Е. А. Культурное пограничье Казанского университета // Образование и просвещение в губернской Казани / Отв. ред. И. К. Загидуллин, Е. А. Вишленкова. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 22–38.

Дмитриев А. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 105–204. (Серия «История науки»).

Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII–1917 г. М.: Б. и., 1994. 198 с.

История Казанского университета, 1804–2004 / Гл. ред. И. П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. 656 с.

Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804 / 05–1929 / 30: в 2 т. Т. 2. Казань: Изд-во Казанского университета, 1930. 385 с.

Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг.: очерки жизни и деятельности / Сост. и научн. ред. В. С. Королев. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. 360 с.

Ростовцев Е. Университет столичного города (1905–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 205–370. (Серия «История науки»).

Хаусман Г. Гражданское общество как социальное движение: пример студенческого движения в Новороссийском университете г. Одессы. 1905–1914 гг. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 239–262.

Бушуева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела хранения документальных источников Национального музея Республики Татарстан, bushueva9@mail.ru.